

Ольга Комарова

Творчество Ольги Комаровой давно знакомо и любимо читателями поэтического слова. Её произведения регулярно появляются на страницах «Кузнецкой крепости», в журнале «Огни Кузбасса», в приложении к этому журналу – «День поэзии», в журнале «После 12». Подборки стихотворений представлены также в коллективных сборниках, в хрестоматии «Кузнецкий автограф».

Стихи она пишет с детства. Будучи ещё студенткой, публиковалась в местных литературных изданиях. Молодая поэтесса, прошедшая «школу» Любви Никоновой в «Гренаде», в настоящее время сама является руководителем этого литературного объединения.

Родилась она в Новокузнецке 14 мая 1977 года. Окончила факультет русского языка и литературы НГПИ. Преподавала русский язык и литературу в лицее, была сотрудником в Центральной городской библиотеке имени Н.В. Гоголя, журналистом в «Кузнецком рабочем».

Ольга Витальевна Комарова работает сейчас в Доме творческих Союзов Новокузнецка, поддерживает дружеские отношения со многими литераторами, организует встречи горожан с писателями и литературоведами, проводит творческие семинары и вечера поэзии, в которых участвуют новокузнецкие авторы и члены Кемеровского областного отделения писателей, члены Союза писателей России.

Выпустила три поэтических сборника. В 2011 году новокузнецким ансамблем «Созвучие» был записан диск, на который вошли 11 песен на стихи Ольги Комаровой.

«БЫТЬ ПОЭТОМ – ЭТО ЗНАЧИТ...»

В прошедшем 2018 году произошло значимое для поэта Ольги Комаровой событие. После того, как её стихи были опубликованы в целом ряде известных в стране и очень авторитетных в писательском мире изданий, поступило приглашение принять участие в Региональном совещании сибирских авторов, состоявшемся с 13 по 16 августа 2018 года в Новосибирске.

Одним из творческих руководителей совещания был Председатель правления Союза писателей России Н.Ф. Иванов (Москва). Работу с авторами на семинарах вели известные литературные деятели: главный редактор журнала «Сибирские огни» М.Н. Щукин (Новосибирск); литературный критик, член правления Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём» В.Д. Лютый (Воронеж); секретарь Союза писателей России и председатель Новосибирского отделения Союза писателей России, главный редактор журнала «Новосибирск» А.Б. Шалин; член правления Союза писателей России, руководитель Общественной Алтайской краевой писательской организации А.В. Кирилин (Барнаул); секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» С.Л. Донбай (Кемерово).

По итогам совещания три автора были рекомендованы к приему в Союз писателей России.

Ольга Комарова оказалась в числе тех немногих, чьё творчество было отмечено особо: литературные мэтры выдали рекомендацию для участия во Всероссийском совещании молодых литераторов. Теперь ей предстоит выступать со своими стихотворениями в столичном регионе, а значит... представлять на общероссийском уровне современную поэзию Сибирского федерального округа. Порадуемся за нашего автора!

Что касается остальных итогов и, в целом, значения состоявшегося регионального совещания (для тех, кто стремится приобщиться к большой литературе), то повторим здесь высказывание критика В.Д. Лютого – известного подвижника отечественной литературы, радеющего за

сохранение традиций и единство творческих сил в России (кстати, он самым первым из руководителей совещания обратил внимание на творчество нашей новокузнецкой поэтессы):

«Региональное совещание сибирских авторов странным образом соединило центральную Россию и обширные пространства Сибири, – сказал Вячеслав Дмитриевич. – Если темы, ритмы и интонации поэтических работ авторов казались универсальными, не принадлежащими ни к какому определённомu художественно-географическому ареалу, то критика была более чем сибирской — по реалиям, по символам, по именам и по живому чувству этой колоссальной и непредсказуемой земли. И ещё очень важным и во многом неожиданным стало традиционное восприятие молодыми литераторами кристальных понятий, всегда формировавших внутренний облик русского человека: совести, самоотверженности, правды, любви и нравственного долга.

Зияющая уже многие годы трещина между поколениями писателей зрелых и пока еще только набирающих силу как будто начала понемногу стягиваться. Хочется верить, что литературное единство европейской России и Сибири предстанет перед новым читателем воочию, а понимание всего самого ценного в нашем человеке будет очевидным, не отягощенным грузом мелких и низких современных уточнений. Низкий поклон редакции журнала «Сибирские огни» за идею этого совещания и самоотверженную работу по её воплощению в жизнь».

* * *

Эти души обещаны, видно, кому-то, –
этих ран не заштопать цыганской иглой...
Этот город задушен морозною мглой,
и удавкой шарфа,
и петлёю маршрута...

Эта ночь в никуда,
эта ночь – без дороги;
стая чёрная мечется средь тополей, –
там – в костлявых руках
молчаливых аллей –
бьются души – бездомны,
бессонны,
убоги...

Этот окрик в ночи... –
спичка, – вспыхнув, погасла, –
одинокий пастух и свечи не зажжёт...
На его плащанице лишь месяц-рожок
тусклой каплей лампадного масла...

* * *

Город стих. Жемчуга фонарей
нанизав на проспекты пустые –
город в сумерки рвётся густые
у закрытых дверей...

И, ночную дробя тишину,
звёздной пылью наполнив карманы, –
ты идёшь – провожая в туманы
золотую луну.

Время ход замедляет к утру...
И мечты бледный день размывает, –
так листва с тополей облетает
на сентябрьском ветру...

* * *

Так прост сюжет – метель мела,
ища погибели до срока...
К поэту женщина пришла –
ни замужем, ни одинока.

Воротника искрился мех,
на тонких пальцах кольца стыли...
О, эта женщина для всех –
все звали, но едва любили.

Ведя неспешный разговор
без экивоков и кокетства,
она не просит сдвинуть штор –
бесцеремонное соседство
Луны ей на руку, –
она,
не призывая и к ответу, –
не самозванка, не жена –
устало шепчет стих поэту...

Так прост сюжет.
Метель мела –
то стон, то плач, то смех...
Поэт и Муза у стола, –
ничей - ничья - для всех...

* * *

О.М. Галыгиной

Позволишь? – в зеркало зимы
смотрю –
просты её приметы... –
теперь мне нравятся береты.

С тобой едва знакомы мы.

Позволишь?

– я случайной встречи
ищу среди пёстрой канители.
Вдруг силуэт –
в тонах постели –
как росчерк Модильяни –
плечи,

условно руки и...

Вскипает

метель – приметы и черты
смешав и смазав.

С нею ты

бежишь и таешь, таешь...

Таёт

в прихожей снег, –

молчанье дома.

Позволишь?

– в зеркале зимы

на миг лишь отразились мы,

но ты мне будто век знакома.

* * *

А время всё расставит... – если б знать...

Ромашке – лето, незабудке – косы
(косцы усердны), и ложатся росы
жемчужной россыпью,

да только не собрать...

Люби, клянись, смотри из-под руки

наивно в завтра: не забуду, буду...

Подогревай сердечную остуду,

чужак-поэт, горячностью строки.

Но сколько б ни загадывать кукушке

о счастье, о годах и о любви –

всему свой срок.

Шар огненный, плыви
помедленней, цепляясь за макушки
столетних сосен...

Их удел иной –

им чужды страсти

(птичьи поколенья

вынашивая – лягут ли в поленья

иль в мачты корабельные)...

Стеной

стоят задумчиво,

флотилии облаков

благословляя в путь...

Что ж незабудка? –

Всему свой срок, –

косцы усердны –

будто

выкашивает время чужаков.

* * *

Не спать полночи, пробуя на вкус
строку, –

простая нить сюжета.

Так и не вымолив ответа

у тишины,

словесных бус

тебе, увы, не доплести.

Зависнув птицей – над строкою

парить,

и вдруг своей рукою –

как приговор: прощай, прости.

Прощай (под стук колёс),

прости.

Суди, прощай, не помяная.

А бусы?

– птица озорная

склюёт с горсти.

* * *

Мы мечтали с тобой не об этом...

Дом под соснами, солнце в зените, –

нас связали тончайшие нити

прошлым летом.

Не мечтали с тобой о высоком –

у костра чай в железной кружке,

и залечивать раны друг дружке

подорожника соком.

Мы мечтали,

но неумолимо

время-поезд,

и нынешним летом

(мы мечтали с тобой не об этом)

он проносится мимо.

* * *

Обезголосившее небо. Одиноко

распластан сокол. Синева навзрыд.

И долгий день, и маетою изрыт,

и хочется зимы до срока.

Сиротство сада сосны сторожат.

И мятный чай, и мемуары чьи-то.

А хочется – июль почти дочитан,

и затянулась травами межа.

И август, и сентябрь, и вот – снега, –

спелёнутые раны;

и ресницы

смежив, теперь не торопить страницы,

где каждая минута дорога.

* * *

Конец июня – я ещё дышу,
но выжжена земля –
 дождей недели
уж две как нет. Мы не преодолели
отпущенного испытанья, –
 так решу –
затихну, сникну. Жадные лучи,
безветрие, безмолвие.

 Не мучай –
явись хотя бы грозовую тучей
и хлётким ливнем.

 Только не молчи.

Так жизнь в поникшем колосе боролась,
и так знакома эта жажда мне.
Конец июня. Сумерки.

 Во сне

я слышу дождь –
 я узнаю твой голос.

* * *

Кто эти двое под одним зонтом?
О чём спешат они сказать друг другу?
А дождь уже пророчит им разлуку.
А встреча? –
 может быть, когда-нибудь, потом...

Кто эти двое? – их двойной портрет
вечерний город отразил в витринах.
Но в куполе зонта и мокрых спинах
я вижу больше, –
 больше, чем ответ.

Порывов ласковых,
 в стекло уткнувшись, ждём
от манекенов (позабыв друг друга).
Над каждой встречей властвует разлука.
Мы эти двое – под одним дождём...

* * *

А мне всё чудится – дорога без конца.
И пьяный дух полесья. Солнца бубен
уже в висках стучит. Сбежав из буден –
пылим сквозь день в ботинках из свинца.
Поля, поля. И просится ковыль
в ладонь (послушный ветру),
 и ромашка –
поверю ль ей? И парусит рубашка –
плывём сквозь день, тщеты глотая пыль...
Всё растворит рассудок – день за днём.
Но это лето привкуса иного:
ты пахнешь солнцем, травами...
 И снова
день – равный жизни.
 Мы остались в нём...

* * *

В этом доме давно уж никто не живёт.
Зарастают шиповником старые плиты.
Роли сыграны и – гонорары пропиты.
Ну а мне бы уткнуться тебе в живот
и заплакать беззвучно. И вопреки
режиссёрской задумке (не взыщет строго)
вновь вернуться к началу земного срока,
чтобы тихо лечь в колыбель руки.

Что с того, что играем мы «мимо нот»,
а финал очевиден и неизбежен,
и шиповник – колюч,
 но заманчиво-нежен.
Мне бы просто уткнуться тебе в живот...

* * *

Там окон тёмные кресты,
там половицы нервно стонут,
и будто даже воздух тронут
отчаянием пустоты.

Там пыль не пахнет забытьём.
О, этот горький запах тлена,
он будто вырвался из плена
в разрушенный дверной проём.

Ступени не сбегают в сад –
их оплетает вьюн безбожно,
мхи обживают осторожно,
вползая, словно наугад...

Там нет ни памяти, ни сна, –
зато безвременья без меры;
дом-призрак – без любви и веры –
надеясь, ждёт – придёт весна...

От сквозняков слегка знобит
и половицы нервно стонут...
Лишь дождевые слёзы тронут
тот дом, что нами позабыт...

* * *

Двое. Чай и сигареты.
Городской пейзаж в окне.
Что ты знаешь обо мне?
Что я знаю... – две планеты.

Расстояния меж нами –
шага два да лёгкий тюль.
Двое. Сумерки. Июль.
Я живу тобой и снами...

Остывает чай. Крепчают
сигаретные дымы.

Тот же вечер, те же мы,
те же волны нас качают.

Краток сон. Но есть примета –
чай остывший недопит.
Сердце знает (– разум спит) –
ты моя – моя планета...

* * *

Так сходят с ума – не дождавшись ответа.
Но нет в том ничьей вины,
что в окнах твоих я не вижу света,
а вижу лишь стену спины.
Жизнь моя – песня – идёт на коду.
– Люблю тебя!.. – тишина...
Глупый ныряльщик,
– в любовь – как в воду,
но страшно не чувствовать дна.

От самострела – признанья –
не больно, –
песней душа отошла.

Всё отпустило.

Но твой – контрольный –
навылет: с ума сошла...

Правда твоя! –

лишь колпак поправлю;
взяв шутовскую дуду,
песню тебе я на память оставляю
и навсегда пропаду...

* * *

Истекает август молоком тумана,
припасает роща золото и медь,
а над лесом солнце –
шапкую шафрана, –
вроде близко счастье – да не разглядеть...

Где оно таилось – поняли мы поздно, –
под стрехой, под крышей или в сосняке...
И катились камушки – весело да розно –
жизни перекатами по одной реке.

Травостой некошениый,
росаами украшенный,
соберу охапкою – будто бы обняв.
Ты меня не спрашивай,
ни о чём не спрашивай, –
моего – дыханием – не задуй огня.

Пробираюсь памяти

чуть заметной тропкою –
дней на ласку щедрых нет в календаре.
Не во сне ль привиделось
это счастье робкое –
миг, застывший мушкой в янтаре.

* * *

Вечер крадётся, крадётся...
Крадётся
время у нас. Пиши!
Вот уже месяца капнул мёд
в чашу небес...
Спешим
к пристаням разным –
чужим – иным,
и на окне – герань.
Время крадём, –
наше время – дым.
Пиши! – и словами рань.
Разбереди, уведи, одари... –
ночь, разомкни уста!
И для меня, знать, окно горит –
надежда
в размер листа...

* * *

Тебе к лицу сентябрьский наряд –
созвездие мимозы, гроздь рябины,
дождя стеклярус, что терзает спины
ссутулившихся отплодивших гряд.
Нагих садов растерянность и боль,
и в каждой ветке – нерв живёт и бьётся.
Но в потемневшем зеркале колодца –
всё то же небо – вечное! – изволь...
Тебе к лицу и золото, и медь,
и седина предутренних туманов...
И разжигаешь ты пожар шафранов –
мои ладони обогреть...

* * *

Мне вчера тебя не хватило.
Мне всегда тебя не хватало.
Ночью в окна метель колотила, –
исступлённо и зло хохотала...

А с ладоней дрожащая птица –
память – крохи клевала...
И тенью –
ты... –
о, дай мне тобой насладиться,
и неловкому прикосновенью
дай окрепнуть, – такая-то малость!
Но вот, веришь,
– ночами не спится...

Нынче снова метель разыгралась –
бьётся в сердце безумная птица...

